

«Однажды Тенгиз сказал: давайте белый рояль, следователя за роялем, и затащим этот рояль в горы. И мы полдороги пешком тащили рояль в это труднодоступное место, которое он выбрал...»

80 лет
Тенгизу Абуладзе

«Я даже не помню, кричал ли он: «Мотор!»

80 лет Тенгизу Абуладзе

«Я даже не помню, кричал ли он: «Мотор!»

80 лет Тенгизу Абуладзе

Завтра исполнится бы 80 лет выдающемуся грузинскому режиссеру Тенгизу Абуладзе — автору знаменитого фильма «Покаяние». Накануне юбилея с Михаилом Аграновичем, оператором фильма, побеседовала Мария Терещенко.

Михаил Леонидович, как началась ваша совместная работа с Тенгизом Евгеньевичем?

Мы познакомились совершенно случайно примерно за полгода до того, как начали работать над «Покаянием». Я снимал в Батуми с Аларконом картину, и мы оказались в одной гостинице с группой, которая снимала «Покаяние». Познакомились, пообщались. Тенгиз рассказал, про что его кино. Потом у группы «Покаяния» начались какие-то неприятности: грузины — молодая компания — угнали самолет из Батуми в Турцию. И среди тех, кто угонял, был один артист, который играл в картине Тенгиза. Картина остановилась — они уехали в Тбилиси. А через полгода раздался звонок из Москвы, и Тенгиз предложил мне начать эту картину снова, поскольку все поменялось: поменялись артисты (не все, но часть), и вообще он решил как-то по-другому делать этот фильм. Я, естественно,

предложение принял — от таких не отказываются — и приехал в Тбилиси как раз 31 января, в день его рождения. Празднование было у него дома: длинное, веселое, продолжалось несколько дней. Застолье плавно перешло в съемки картины. Картина снималась очень странно — она сочинялась во многом на ходу. Придумывался какой-то эпизод. Помощники Тенгиза тут же репетировали с артистами, мы ездили — выбирали место, где это снимать. Снимали, опять останавливались, готовили следующий эпизод. Так нестандартно все снималось. Поэтому, мне кажется, фильм получился немножко не цельным, эклектичным. Потому что он был не враз придуман, а постепенно, в зависимости от настроения, от жизненных ситуаций. Но в результате мы это кино сняли, хотя было много проблем всяких — у Тенгиза, естественно.

► СТР 12

4 01 СТР
Какого рода это были проблемы?

За этой картиной очень пристально следили тогдашние грузинские органы. В то время председателем КГБ оставался какой-то очень старый человек — он еще даже при Сталине работал. Когда начались всякие обыски и следствие по поводу угона самолета, в КГБ попал экземпляр сценария. И они были очень против этой картины. Раньше Тенгиза как-то Шеварднадзе прикрывал: все фильмы Абуладзе снимались под его покровительством. В общем, после получения сценария Тенгиза неоднократно вызывали в органы, какие-то разговоры с ним вели. Мы прерывали съемки: сегодня, значит, не снимаем, потому что Тенгиза вызвали «туда». Но тем не менее работа над фильмом продолжалась — Тенгиз был упрямый на редкость, надо сказать. Но и поддержка у него была сильная, потому что, хотя Шеварднадзе и забрали к тому моменту в Москву, все равно он и из Москвы продолжал помогать. Он вообще к Тенгизу очень хорошо относился — Шеварднадзе. Уговорил его в свое время вступить в партию. И Тенгиз вступил в партию и даже стал, по-моему, членом горкома партии. А когда попал в аварию (Тенгиз попал в очень сильную аварию на автомобиле в горах незадолго до съемок), то первый человек, которого он увидел, придя в палату в сознание, был Шеварднадзе.

Каким Тенгиз Евгеньевич был в работе, на съемочной площадке?

Он вообще был очень тихий, скромный человек. Всегда с портфельчиком. Если

бы кто-то посторонний пришел на площадку, он бы ни за что не сказал, что вот этот человек и есть режиссер. Я даже не помню, кричал ли он: «Мотор!» — наверное, не кричал. Его вообще не было слышно. У него был большой штаб молодых людей — в основном его студенты и те, кто уже закончил, — из которых перли идеи со страшной силой. Много было идиотских, и многое он пропускать мимо ушей, а что-то отбирал. В этом смысле он был тихий, скромный, милый вампир. Из всех вытягивал все, что можно, а сам вроде бы не предлагал ничего. Ему принадлежала общая идея, и он был ее пропагандистом и адептом. Но в деталях придумывали, как правило, эти ребята. И в основном Нана Джанелидзе. Она была автором сценария (потом сама стала режиссером и делает картины). А он смотрел на все это через сильные очки и не вмешивался. Или вмешивался. Или вдруг ему приходило в голову какие-то совершенно сумасшедшие идеи, и иногда его нельзя было от них отговорить. Ну, например, искали мы место, где будет допрос, очная ставка. Искали нормальное помещение, где можно было бы снять кабинет следователя. Мы понимали, что это не должен быть совсем уж облезлый советский кабинет, поскольку жанр определился несколько над реальностью. А потом однажды Тенгиз сказал: давайте белый рояль, следователя за роялем, и затащим этот рояль в горы. И мы полдороги пешком тащили рояль в это труднодоступное место, которое он выбрал. И как мы его с Наной ни отговаривали — мол, при чем тут рояль, бодяга полная, — он сказал: будет так. Так и сняли. И многим нравится.

Но такое с ним редко происходило. Его всегда можно было убедить в мелочах. В главном он был, конечно, несгибаем. Тенгиз вообще был не киношный человек. Ему больше нравилось сидеть в кабинете, читать книжки, что-то он выписывал, цитаты какие-то. Он очень любил цитаты. Он обладал интуицией, хотя не очень хорошо формулировал свои мысли. Ему не всегда было легко объяснить, чего он хочет и что он чувствует. Поэтому он так искал цитаты. Помню, мы как-то завтракали у него дома, и он сидел довольный, что нашел в книжке какую-то подходящую цитату — его подтверждающую или меня опровергающую.

Может быть, вы помните его любимые цитаты?

Я не помню уже, какие были любимые. Но вот помню слова, которые он очень не любил. В кино он не любил слова «быт» и «реализм». Эти слова были ругательными. Я для него был «получичий мосфильмовский реалист». «Ты, — говорит, — должен воспользоваться случаем, который тебе представился, и отучиться от этого». Так он был руководящий лозунг Тенгиза на всю нашу совместную деятельность. И он был очень доволен, когда ему удавалось меня перевоспитать. Но иногда я с ним боролся. Мне казалось, что история, сам сюжет довольно волнующий, а такими отстраненными мы и зрителя отстраняем. Он будет смотреть холодно, сочувствовать не будет, сопереживать герою.

Какая атмосфера была на съемках? Веселая, или деловая, или мрачная?

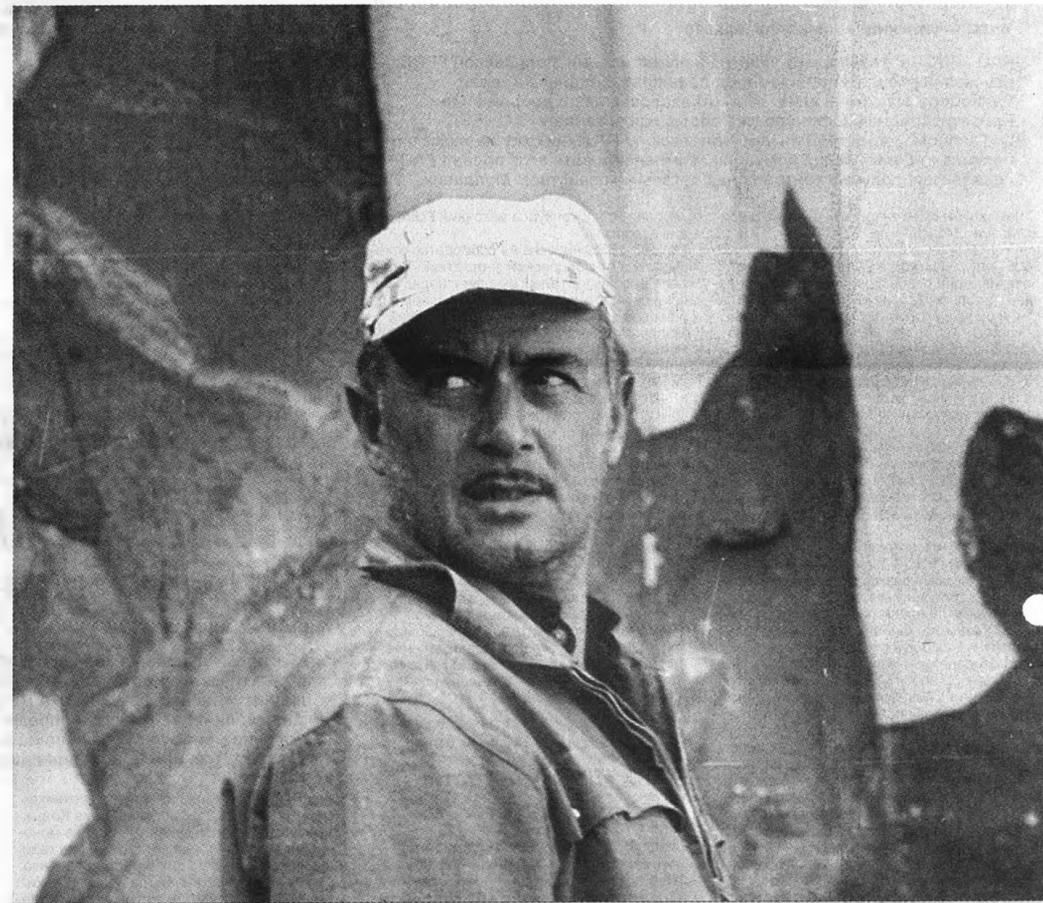
Тенгиз вообще не мог работать, если на площадке царил мрачная атмосфера. Тем более мы мрачную историю снимали. Поэтому шутили все время. Он ценил хорошие шутки и очень любил частушки. И он как-то рассказал мне свою любимую частушку, которую я никогда раньше не слышал:

«Рыбка плавает в томате —
Ей, конечно, хорошо,
Только я, е...на мати,
Места в жизни не нашел».

И вообще, он такой нам всем праздник устроил этими съемками. Я помню, в автобусе лежал манекен героя Варлама, и когда мы видели подходящий обрыв по дороге на съемки, мы ставили камеру и сбрасывали этот манекен. И делали это с большим удовольствием. Я помню, даже мурашки бежали по спине от того, что выкидывали этого гада из автобуса. Это было какое-то торжество свободы, хотя бы в отдельно взятый момент. У меня была полная уверенность, что эту картину никто никогда не увидит, что это такое хулиганство. И большинство так думало. Тогда, когда мы снимали, допустить, что эту картину выпустят на экран, было невозможно. И, кроме Тенгиза, в успех никто не верил абсолютно. А он считал, что она выйдет, и угадал.

Как он отреагировал, когда фильм получил признание, когда пошли премии, награды?

Все эти фестивали, и «Ники», и Канн, были уже через два года после того, как мы картину закончили. Два года она лежала и ждала часа своего. И пятый съезд кинематографистов был. Климов стал во главе союза, и он эту картину показал Яковлеву — члену Политбюро. И показывать ее разрешил, как ни странно, Лигачев. Ну а когда начался триумф — все это, конечно, немного вскружило Тенгизу голову. На какой-то период он был полностью сосредоточен на наградах, фестивалях, премьерах. Испытывал от этого огромное удовольствие. Очень хотел получить Ленинскую премию. Но такая реакция естественна, когда сталкиваешься с таким успехом. А такого успеха я, например, не видел ни до, ни после. Что творилось на этих премьерах! Я боялся, что фильм не будет

1967 год, на съемках первого фильма «трилогии притч» — «Мольба»

волновать, а люди просто с валидолкой и с валокордином выходили с этой картины, с сердечными приступами. Паша Лемешев, помню, пришел после этого просмотра — плохо с сердцем было у человека. И потом — лом народа. По четыре сеанса премьерных было во всех этих домах кино, в ЦДРП и всюду. Люди стояли в проходах. Черт-те что было. Такое, не заметив, пережить, конечно, невозможно. И я, конечно, тоже поддавался этому всеобщему ликование.

Кто ездил за наградой в Канн?

Тенгиз Евгеньевич и Авто Махарадзе — исполнитель главной роли. Тенгиз был, конечно, очень доволен, хотя немного расстроился, что не главный приз. До последнего дня «Покаяние» шло первым номером. И вдруг возник этот французский фильм с Деларде в главной роли. Там Климов был в жюри, и он был совершенно спокоен за наш фильм. А тут вдруг раз... и французские все это переиграли. А до Канн еще были фестивали в Чикаго и в Норвегии. Везде «Покаяние» что-то получало. Но потом... Странная вещь. Я сейчас езжу, в какие-то страны попадаю, спрашиваю кинематографистов, помнят ли они такую картину. Никто ее почему-то не запомнил. А тогда казалось, что она останется. Помню, мне даже друг книжку привез из Америки: «Кто есть кто в советском кино». Там операторы всего в трех картинах названы: «Комиссар» (Валерий Гинзбург), «Покаяние» (Михаил Агранович) и еще какая-то там третья картина.

«Покаяние» — последний фильм Тенгиза Евгеньевича. Можно ли было это предвидеть во время работы над ним?

Нет, совсем нет. Наоборот. Никаких ни предзнаменований, ни предчувствий не было. Наоборот, было ощущение, что все в разгаре. Он собирал планы и сценарии какие-то. На что-то там немцы давали деньги. Вещь называлась «Крысобою», по-моему. Какая-то повесть или роман немецкий, на который он запал. Тенгиз нормально себя чувствовал, только прямая ходил, как в корсете, — абсолютно прямая спина, что-то с позвоночником случилось во время аварии. Но это ему только придавало шик.

После окончания съемок вы продолжали общаться?

Какое-то время да. И какое-то время довольно часто. И я ездил в Тбилиси, и он бывал в Москве. Потом все реже и реже. А потом он уже заболел. Он довольно долго болел, лежал. Он был лежачий больной, невыходящий. У него постепенно исчезала память, он все хуже узнавал людей.

Вы с Тенгизом Евгеньевичем были друзьями и наверняка наблюдали его и в семейных, и в дружеских отношениях. Каким он был?

У него была замечательная семья. Он жил с женой и дочкой в квартире. И еще тогда была жива теща. Он обожал жену, обожал дочь. Был человеком достаточно домашним, но дома у него был свой мир, довольно отгороженный. И территориально, и на метафизическом уровне. Он жил своей жизнью и, я так думаю, далеко не всем делился с домашними. Но женщин своих очень любил, очень за них волновался. А когда у его сына Ги Абуладзе и у Наны Джанелидзе (они познакомились, когда она была студенткой Тенгиза) родился сын —

Торнике... Он у нас там в картине появляется. Когда Тенгиз видел мальчишку, когда тот прибежал и сел к нему на колени, у Тенгиза натуральная слеза выкатывалась из глаз. Он никак это не формулировал, словами это не произносил, только выражением глаз. Но там все это читалось. Тенгиз вообще был добрый, хороший человек. Говорят, хороший человек — не профессия. Но если это режиссер, то человеческие качества становятся частью профессии. И во всех его картинах видно, что он хороший человек.

Он очень многим помогал, при этом не афишировал никак свою помощь, делал все тихо, незаметно. Безотказный был. Многие обращались к нему. И поскольку он был вхож наверх, то он ходил и выбивал и квартиры, и все, что необходимо. И шoferу своему помогал. У того были какие-то проблемы с жильем и пропиской. И когда я в Тбилиси приехал таким вроде как бездомным человеком, поскольку жил в Москве, он меня вот устроил, кому еще у меня был быт устроен, чтобы был хороший номер. Тенгиз сам следил за тем, как группу кормят, чтобы была хорошая вкусная еда. Он не считал, что нужно снимать кино любой ценой. Он хотел, чтобы люди получали от этого удовольствие. Была такая история: он купил землю под Тбилиси и стал строить дом. Пока строил, очень увлекся этим делом. Он туда ездил и сам выбирал материалы, руководил работами. И за это время всем своим сельчанам помог: кому машину купить, кому еще с чем-то. Потом, когда дом был готов, во время отсутствия Тенгиза те же самые сельчане этот дом ограбили. Тенгиз очень разочаровался в человечестве и перестал туда ездить.

1956 год, Тенгиз Абуладзе на съемках фильма «Чужие дети»